

В Яньцзине на протяжении некоторого времени каждый день приземлялись самолёты из-за границы, и целые отряды сопровождали бесценные произведения искусства и культурные реликвии в музеи. Ошеломляющие суммы пожертвований ослепляли членов семьи Лу, вызывая зависть, но они ничего не могли поделать.

Ши Вэй знал о богатстве Лу Юаньчжи, но не хотел становиться его подхалимом. Даже если они будут партнёрами по бизнесу, их отношения должны быть равноправными, а не такими, как сейчас.

У Лу Юаньчжи были деньги, но он не собирался использовать их, чтобы унижить Ши Вэя. Ему нужно было лишь выполнить свою задачу — вернуть долг. Лу Юаньчжи, как никто другой, понимал, что такое самоуважение.

— Я пришёл не для того, чтобы говорить о займе, — спокойно сказал Лу Юаньчжи. — Давай найдём место и обсудим бизнес.

Ши Вэй подумал и не стал отказываться.

У Лу Юаньчжи скоро должны были начаться занятия, и Ши Вэй просто пошёл с ним.

— А что насчёт меня, Юаньчжи? — жалобно спросил младший братишка, который долго кричал и оставался незамеченным.

Хотя его звали Юаньчжи, этот младший братишка был явно старше Лу Юаньчжи. Его внешность и манеры выдавали в нём человека с улицы.

Лу Юаньчжи, похоже, забыл о нём, но, немного подумав, достал из кармана деньги и протянул ему:

— Сегодня ты потрудился. По делу Лу Сань присмотри за ним.

Младший братишка, держа в руках купюры, которых было не меньше десятка, готов был тут же вынуть сердце и показать свою преданность:

— Юаньчжи, не волнуйся, я всё улажу!

Лу Юаньчжи кивнул и больше ничего не сказал, но Ши Вэй, глядя на уходящего радостного младшего братишку, нахмурился.

Он хотел что-то сказать Лу Юаньчжи, но, учитывая, что они ещё не были близки, промолчал. Вместо этого он спросил:

— Ты знаешь мужчину по фамилии Чэнь? Лет двадцати, с длинными волосами, голос немного резкий.

Лу Юаньчжи задумался, но, к сожалению, он мало обращал внимание на окружающих и не смог вспомнить такого человека.

— Ты ищешь его для чего-то?

— Нет, ничего особенного. — Ши Вэй вспомнил своего вспыльчивого отца и его ещё более проблемную мачеху и невольно добавил:

— Просто нужно быть внимательным к тому, что происходит вокруг. Знаешь, как появляются

слухи?

Распространяемые слухи явно были чьей-то работой. У Ши Вэя не было серьёзных конфликтов с тем мужчиной по фамилии Чэнь, который за его спиной оскорблял Лу Юаньчжи, но, если смотреть без предубеждений, он не был хорошим человеком. Это было видно по младшему братишке, который был одним из тех, кто тогда окружал Лу Юаньчжи. Взгляд, который он бросил на Ши Вэя, был полон страха и предупреждения.

Хотя он был лишь наёмным помощником, он также оказался мастером распространять слухи. Ши Вэй не верил, что это не было связано с семьёй Лу.

Лу Юаньчжи с интересом посмотрел на Ши Вэя, и на его лице впервые появилась лёгкая улыбка:

— Что, тебя тоже зацепили эти слухи?

Ши Вэй, глядя на Лу Юаньчжи, понял, что тот уже знал о том, что происходило за его спиной. Он зря беспокоился.

— Но не переигрывай. Не всё можно держать под контролем. — Ши Вэй вспомнил, чем закончилась прошлая жизнь Лу Юаньчжи, и задумался, какую роль в этом сыграли его помощники. Вряд ли хорошую.

Лу Юаньчжи считал, что они передают ложную информацию Бай Ифан, но кто знает, не использовала ли Бай Ифан его же тактику против него самого?

Лу Юаньчжи был нарасхват. Цифры на его счёте вызывали зависть, страх и ненависть. Но его высокомерный и независимый характер настроил против него всю семью. Они ненавидели его, но при этом мечтали вытянуть из него деньги. В своей зависти они могли пойти на что угодно!

Лу Юаньчжи не придавал словам Ши Вэя большого значения, но и не стал спорить, лишь кивнул. Его характер был сложным, но он умел себя вести с теми, кого не считал врагами.

Отношения между Ши Вэем и Лу Юаньчжи не были близкими, поэтому Ши Вэй не вмешивался и не лез с советами. Не холодно, не подхалимски, просто соблюдая дистанцию.

Они выбрали место в углу, Ши Вэй сел внутри, чтобы быть вне поля зрения преподавателя. У него ничего не было, и чтобы получить деньги от банка, ему нужно было нарисовать яркую картину, подготовить всё так, чтобы это понравилось банку и выглядело очень привлекательно.

Но Ши Вэй знал, что всё это было лишь для того, чтобы угодить начальству. Если следовать этому плану, то можно было потерять не одного, а десять тысячеров и всё равно не заработать.

Он рисовал банку красивые перспективы, но с Лу Юаньчжи был предельно честен. Он изложил на бумаге все последние новости, возможные изменения и ожидаемую прибыль.

Он не хотел принимать внезапную щедрость Лу Юаньчжи, но если бы Лу Юаньчжи стал партнёром или инвестором, это было бы совсем другое дело.

Лу Юаньчжи не был специалистом в финансах, поэтому Ши Вэй избегал сложных терминов и представил всё в виде таблицы, где были указаны предположения, тенденции, прибыль и затраты. Лу Юаньчжи сразу всё понял, всё было предельно ясно.

— Думаю, ты упустил одну важную проблему, — сказал Лу Юаньчжи, изучив всё. — Цены только что открылись, и уже произошёл такой резкий скачок. Ты не думаешь, что власти снова вмешаются? Все твои предположения основаны на том, что цены на бумагу взлетят. Если этого не произойдёт, ты останешься в убытке.

Бумага — это не тетради. Её не покупают поштучно, а тоннами.

Купив бумагу по две тысячи за тонну, продать её можно будет за ту же цену, но расходы на транспортировку, хранение и охрану не включены в стоимость.

У Ши Вэя не было каналов сбыта, и ему пришлось бы тратить деньги на подарки и установление связей, что тоже требовало значительных средств.

Ши Вэй с самого начала учитывал возможность вмешательства властей, но быстро отбросил эту мысль.

Он не помнил подробностей о предыдущем скачке цен, но знал, что на предстоящей важной конференции будет предложена новая экономическая концепция. Когда появится понятие «товарное хозяйство», это станет сигналом, что рынок будет играть более важную роль.

Сейчас открытие цен могло быть экспериментом, и власти будут действовать осторожно. Независимо от результата, если Ши Вэй не будет жадничать и вовремя остановится, это не затронет его.

Что касается роста цен, Ши Вэй был уверен в этом на девяносто процентов.

Тридцать процентов уверенности он черпал из своих смутных воспоминаний, но большая часть была основана на его опыте и видении.

Ши Вэй не стал говорить о возможной конференции, а спросил:

— Ты думаешь, вероятность роста цен выше, чем их стабильности?

Лу Юаньчжи не разбирался в экономике, и обсуждать с ним, что будет расти, а что падать, было бесполезно. Но, как человек из его круга, он обладал политической чуткостью.

Лу Юаньчжи не ответил на вопрос, а написал на бумаге цифру «200 000».

Ши Вэй взял листок и чуть не подпрыгнул. Он знал, что Лу Юаньчжи был щедрым, но не ожидал такой суммы.

Тысячники только появились, а тут сразу двадцать. Такая сумма могла бы похоронить кого угодно.

— Ты с ума сошёл, выкладывать такие деньги. Ты не боишься, что я всё потеряю и не смогу вернуть?

— А ты осмелишься взять? С процентами вернёшь двадцать пять тысяч.